

INSPIRIA

Добрый доктор из Варшавы

ЭЛИЗАБЕТ ГИФФОРД

INSPIRIA

Novel. Большая маленькая жизнь

Элизабет Гиффорд

Добрый доктор из Варшавы

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Гиффорд Э.

Добрый доктор из Варшавы / Э. Гиффорд — «Эксмо»,
2018 — (Novel. Большая маленькая жизнь)

ISBN 978-5-04-155877-2

Варшава, 1940-й. Еврейское гетто находится под жестким контролем нацистов. Сотни тысяч мужчин, женщин и детей медленно умирают от голода в этих стенах. И в то время как вокруг царит отчаяние, один человек приносит надежду и беспрестанно заботится о постоянно растущем числе обездоленных детей. Студенты Миша и София помогают Янушу Корчаку в его Доме сирот. Но пребывание в гетто становится всё опаснее и молодым людям приходится в одиночку противостоять обстоятельствам, надеясь когда-нибудь снова обрести друг друга. А доктор Корчак, отказавшись оставлять детей, пойдет до самого конца, в пучины ужасной и бесчеловечной тьмы. Основанный на реальной истории роман о выдающемся польском педагоге и докторе Януше Корчаке, погибшем вместе со своими воспитанниками в Треблинке.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-155877-2

© Гиффорд Э., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

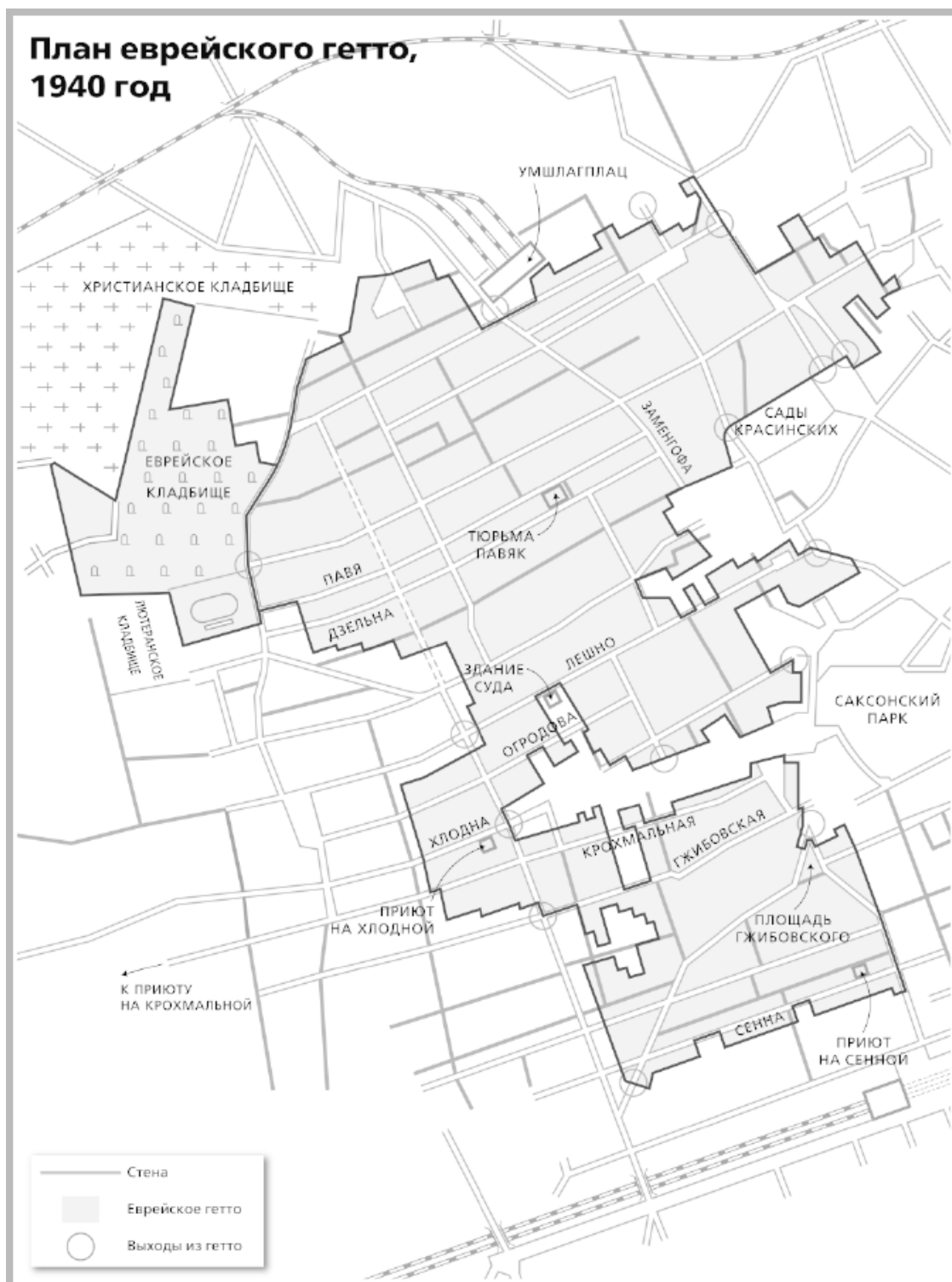
Элизабет Гиффорд Добрый доктор из Варшавы

«Вы никогда не оставите своего ребенка один на один с болезнью и мраком, вот и я не могу оставить детей в такое время, как сейчас».
Януш Корчак

Elisabeth Gifford
THE GOOD DOCTOR OF WARSAW

Copyright © Elisabeth Gifford, 2018
This edition published by arrangement with Atlantic Books Ltd. and Synopsis Literary Agency

© Ермолина И., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Варшава, 17 января 1945 года

До рассвета оставалось часа два. Миша стоял на берегу Вислы и смотрел вдаль, туда, где за скованной льдом рекой раскинулась Варшава. В руке его лежала маленькая, не больше ладони, фотография Софии. Миша обрезал края карточки, и теперь, когда смотрел на фото, лицо девушки казалось ему совсем близким, почти настоящим.

Две крошечные дырочки у нее на плечах – следы от кнопок. В каких бы казармах ему ни приходилось жить, везде он прикреплял фотографию над кроватью, как верующий – икону. Сейчас в сумерках прозрачные глаза Софии казались серьезными, даже испуганными. И без фотографии он хранил в памяти ее образ: светлые волосы зачесаны назад, красивое, тонкое, даже худое, лицо. Два года не касался теплых щек, не целовал губы, не вдыхал слабый аромат миндаля, исходящий от ее кожи. Безжалостный порыв ледяного ветра, казалось, усилил боль разлуки, телесную тоску по любимой. Миша поднял воротник, спрятал фотографию в холщовый кошелек, похлопал себя по застывшим от холода плечам.

– Эй, Миша, иди к нам, прими что-нибудь для сугреву.

Невдалеке у реки виднелись темные фигуры. Русские солдаты в толстых зимних шинелях ели консервы прямо из металлических банок, разговаривали, громко хохотали, выпуская из ртов облака морозного пара. Кто-то протянул Мише бутылку, он подошел и отхлебнул. Гул орудий стих, но в воздухе до сих пор пахло гарью, клубы дыма медленно плыли из-за реки. Настроение у русских было хорошее, они расслабились, отпускали шутки, гадая, кому же сегодня вечером выпадет счастье танцевать с толстухой Ириной. Ирина, женщина с широким лицом, мощным телом и большой грудью, которой было тесно в военной форме, усмехалась в темноте, зачерпывая из банки рагу из фасоли.

– Размечтались! Даже не вздумайте приглашать! – фыркнула она, перекидывая шинель через плечо. – Тоже мне кавалеры нашлись. Все вы мелюзга, слабаки. Вот если Миша пригласит, я не откажусь.

Она взглянула на него, глаза ее жадно блеснули. Миша привык к тому, что нравится женщинам, что порой, стараясь привлечь его внимание, они ведут себя весьма эксцентрично. Его глазам цвета темного янтаря с зелеными крапинками позавидовала бы любая девушка – так, по крайней мере, однажды сказала София. Рослый, стройный, в высоких сапогах и галифе, оставшихся от польской военной формы, он выглядел несколько старомодно и даже, пожалуй, слишком аристократично, но его добродушие, незлобный юмор, открытость располагали к нему людей. И хотя он был поляк, вернее, польский еврей, русские быстро стали считать его своим.

Ирина зычно расхохоталась, а Миша опустил глаза. Боже упаси, лучше держаться от нее подальше. Ходили слухи, будто ее последний любовник погиб вовсе не от немецкой пули. Ирина устроила ему сцену ревности и в бешенстве застрелила.

– Если вдруг встретите кого-нибудь из приятелей Гитлера, передайте от меня пламенный привет. – И она шлепнула по своей кобуре.

Освободители Варшавы, добрые и великодушные, дружески хлопали Мишу по спине.

Он служил в разведывательной группе Первой польской армии, которая воевала под командованием русских. И всегда в числе первых оказывался на вражеской территории, чтобы найти безопасный проход для танков, обнаружить, где засели остатки немецких войск. Сегодня его маленький отряд должен первым войти в Варшаву. В город, где он не был три года.

Сквозь рваные облака на черном небе проглядывала серебристая луна, в ее металлическом свете у заснеженной реки виднелась колонна из четырех «Виллисов». За рулем первого

в меховой шапке с опущенными «ушами» сидел Франек, Мишин водитель, который к тому же сам себя назначил гидом и консультантом.

– Поторопись, а то превратимся в ледышки! – крикнул он. – Нужно перебраться, пока не рассвело!

Над Варшавой все еще лежала ночная тьма, но вдалеке на горизонте уже показалась бледная полоска зари. У разведгруппы было задание выяснить обстановку в городе и до рассвета, когда польская пехота начнет переходить реку, передать сообщение по радиации.

Миша скользнул на сиденье рядом с Франеком и закрыл дверцу, однако холод продолжал задувать во все щели, от порывов ветра джип раскачивался. Миша достал пистолет из кобуры. Впереди расстилалась длинная извилистая река, ее заснеженная равнина была светлее клочковатых облаков в небе.

От дыхания кабина наполнилась паром, все вокруг словно заволокло туманом. Выехав на занесенную снегом реку, Франек всем телом подался вперед. Напрягся и Миша, но за ползимы вода застыла намертво, лед выдержал. Приглушив звук мотора, не включая фар, будто четыре темных призрака, машины скользили по льду, мотаясь из стороны в сторону, медленно двигаясь по изрытой поверхности реки.

В зыбком, призрачном свете под снежным покровом угадывались очертания сгоревших грузовиков, окоченевших трупов лошадей, каких-то обломков, отбрасывающих длинные тени. Справа возвышался разрушенный мост Понятовского, его искореженные балки уродливо торчали надо льдом.

– Даже не верится, – сказал Миша. – Мы первыми вступим в Варшаву, чтобы ее освободить. Возвращаемся домой.

– «Освободить»? А может, «отдать русским»? Они отсиживались полгода на том берегу, наращивали, видите ли, силы, дожидаясь, пока немцы разгромят польское сопротивление, а теперь, когда вермахт и сам драпает со всех ног, они тут как тут? Это же продуманный план оккупации в чистом виде.

– Ничего нового о твоих братьях?

Франек помотал головой.

– Мне очень жаль, – сказал Миша.

Через службу разведки Франеку удалось узнать, что один из его братьев погиб в Варшавском восстании. Другой был убит во время неудачной операции, через несколько недель после того, как советские войска подошли к Варшаве. Тогда польская армия неожиданно, без ведома русских, попыталась перейти Вислу, чтобы помочь восставшим. Попытка не удалась, потери были огромны. Сотни погибших солдат Первой польской армии остались лежать подо льдом замерзшей реки. Русские были в бешенстве. Они отстранили польского генерала, командовавшего армией, и заменили его более покладистым.

Внезапно джип провалился в глубокую рытвину, ударившись дном о лед. Потеряв равновесие, свободной рукой Миша ухватился за приборную панель. Темные призраки позади затормозили. Франек крутанул руль и, снова оказавшись на ровной поверхности, осторожно объехал яму. Миша посмотрел назад. Остальные машины следовали за ними. Он с трудом оторвал руку от холодного металла и потер замерзшие щеки. Ему казалось, что с берега вот-вот раздастся короткий выстрел, и от этого ожидания по спине бегали мурашки.

Они уже миновали середину реки. Сколько раз, возвращаясь по Висле в Варшаву, Миша видел знакомый силуэт города, раскинувшегося между небом и широкой рекой, элегантные шпили и башни костелов, величественную дворцовую крепость. Казалось, так будет всегда.

Но все исчезло без следа. Посмотрев в бинокль на приближающийся берег и плацдарм справа, в тусклом свете он увидел лишь пустые пространства и руины. Дым медленно поднимался в грязное небо. Он перевел бинокль на разрушенный мост.

– Франек, остановись. Вижу часового.

Франек резко затормозил. Сзади раздался визг тормозов следующего за ними джипа. Миша передал водителю бинокль и указал на красно-белую будку на берегу.

– Если он выстрелит, нам и укрыться негде, мы как на ладони.

– Не двигается. Вряд ли он нас заметил.

Франек открыл окно, щелкнул затвором, прицелился и выстрелил. Звук выстрела разнесся далеко по равнине.

– Вот черт, не попал.

Опасаясь ответного огня, Франек торопливо перезарядил пистолет и выстрелил еще раз. Часовой дернулся, брызги разорвавшейся плоти разлетелись в разные стороны, но человек так и остался стоять, прислонившись к деревянной будке.

Миша снова взял бинокль.

– У него снег на плечах.

– Бог мой, он же замерз на посту.

Осторожно подъехав к берегу, Франек остановился у будки. Забрел рассвет, при свете зари серое лицо мертвеца на фоне белого снега казалось особенно жутким. Его шлем и меховой воротник заиндевели. Внутри будки второй часовой с винтовкой через плечо валялся, будто сбитая кегля.

– Варшаву охраняют мертвецы, – произнес Франек.

Маленькая колонна джипов поднялась по стапелю между разрушенных опор моста. Наверху Франек заглушил мотор.

То, что они увидели, не поддавалось описанию. В полумраке морозного утра перед ними расстилались длинные, уходящие в багровое небо улицы без домов, бесконечные мили руин и завалов, покрытых снегом. Ни одного целого здания, дымоходы торчали, будто сломанные деревья. Кое-где на фоне белого снега чернели остатки разрушенных стен с оконными проемами. Разведчики напряженно прислушивались, не раздастся ли щелчок пистолета – за ними вполне мог следить одинокий снайпер. Однако вокруг стояла глубокая тишина, даже стылый воздух казался мертвым.

– Куда теперь? – спросил Франек.

Миша покачал головой:

– Вперед, туда, где была Иерусалимская.

Они медленно поехали по узкой дороге между горами кирпича и щебня, задевая обломки одним колесом, от чего машина тряслась. Когда-то здесь был торговый район, работали главные магазины и конторы, теперь на их месте остались лишь руины и завалы из кирпичей и пыли. Снег запорошил их, и почерневшие куски стен выглядели как памятники на зимнем кладбище. Вокруг не было ни души. Казалось, прошла тысяча лет, и уже невозможно представить те времена, когда элегантные покупатели и бизнесмены разъезжали по этой улице на красных трамваях и блестящих автомобилях.

На углу Иерусалимской они остановились, чтобы взглянуть на главную улицу. Маршалковская – еще одна уходящая вдаль улица без домов. От зданий остались лишь горы обломков, сохранившаяся кое-где после пожаров кирпичная кладка была черной от копоти. Франек вновь заглушил мотор. Миша насторожился, но выстрелов затаившихся снайперов не последовало. Миша съежился, чувствуя себя неуютно в жуткой, неестественной тишине. Необъяснимый страх, казалось, витал в воздухе. Что-то зловещее нависло над городом в сумерках зимнего утра. В этом царстве теней могли существовать только мертвые.

– Должен же здесь остаться хоть кто-то, – сказал Миша. Это прозвучало как мольба. В багажнике у них лежали одеяла и медикаменты, которые они собирались передать жителям. Сейчас это казалось неуместной шуткой.

Добавил беспокойства и двигатель машины, который никак не заводился на холоде. Франек потянул дроссель раз, другой, третий, и мотор жалобно захрипел.

– Осторожно, а то потечет, – вырвалось у Миши как-то чересчур нервно. Наконец машина завелась, и они, подпрыгивая на разбитой дороге, продолжили свой путь вдоль руин Маршалковской улицы.

Наконец они доехали до участка, где завалы были расчищены, а дома не слишком пострадали. Впереди виднелись почти неповрежденные здания. Отчетливо слышался звук удаляющегося грузовика.

– Наверное, немцы устроили здесь казармы, – предположил Франек.

– Похоже, они отходят. Дальше пойдем пешком.

Миша осторожно открыл дверцу и вышел наружу, распрямив свое длинное тело и тут же очутившись в тисках холода. Махнул рукой Франеку и еще трем разведчикам, чтобы следовали за ним. Пригнувшись, они обошли дом, очутились на перекрестке и по одному стали перебежать на другую сторону. Внезапно послышался свист пули, и шедший последним разведчик скорчился от боли. Он прихрамывал, держась за бедро, по которому растекалось темное пятно. Миша внимательно оглядел здание напротив. Так и есть, на крыше засел снайпер. Короткая перестрелка – и снайпер свалился замертво. Впереди раздавались крики на немецком, шум отъезжающего грузовика. Звук мотора становился глуше и глуше, и скоро все снова стихло.

– Им лишь бы сбежать отсюда побыстрее, ни о чем другом они не думают, – сказал Франек.

Пока Миша передавал по радиации донесение, разведчики успели перевязать раненого и теперь пили воду из фляжек.

– Через два часа пехота перейдет реку, – сказал Миша отряду. – Продолжаем следить за ситуацией, в бой по возможности не вступаем. Только в самом крайнем случае. Разделимся на две группы.

Проверить, нет ли мин на улицах впереди, было невозможно. Миша, Франек и один из радистов пошли на север. По краю белого неба, будто кровь на повязке, растекался красноватый рассвет. Все отчетливее становились видны следы разгрома: поле деревянных крестов за оградой церкви с оторванной крышей, железная кровать, торчащая из сугроба, перевернутая детская коляска.

Они ехали по Сенаторской улице в сторону Театральной площади, надеясь, что хоть какие-то из знакомых мест Варшавы уцелели. Но вокруг лежали только груды камней. Не было больше Оперного театра, ратуша стерта с лица земли. Машина двигалась по улице Мидовой к Замковой площади, и повсюду были такие же развалины. Колонна короля Сигизмунда разбита вдребезги, защитник Варшавы валялся лицом вниз в грязи и снегу. На Рыночной площади остались лишь обугленные руины, в тусклом свете обломки зданий напоминали кладбищенские надгробия.

Теперь они ехали на запад, по улице Длуга, мимо участка, где когда-то был парк Красинских. Сейчас все деревья в нем были вырублены. Часть парка оказалась за стеной гетто, и Мишино сердце забилось чаще, когда они приблизились к этому месту. Внезапно закончились даже руины разбомбленных зданий. Гетто исчезло полностью, от тысяч его домов не осталось и следа. Миша выбрался из машины и потерял дар речи. Перед ним лежала мерзлая пустынная равнина без конца и края, будто гладкое поле, засеянное снегом. Ни кирпича, ни доски не лежало на голой земле. От гетто не осталось ничего, только в полумиле от них, как одинокий маяк посреди белого замерзшего моря, виднелась церковь. Три года назад Миша и еще полмиллиона евреев жили здесь, по улицам ходили толпы людей, гул множества голосов никогда не смолкал. Сейчас здесь раздавался лишь свист ветра, гуляющего по голой, пустынной равнине. Миша сделал несколько шагов. Остановился и застыл посреди слепящей белой пустоты. Сапоги и перчатки уже не спасали от мороза. На снегу отпечатались его одинокие следы.

Промерзнув до костей, Миша вернулся к джипу.

– У нас есть время заехать на Крохмальную? – поинтересовался он. – Конечно, если не хочешь рисковать...

Франек кивнул, и машина покатила по призрачной пустынной дороге, которая когда-то была улицей Лешно.

На Крохмальную проехать не удалось, путь преграждали целые горы обломков разрушенных домов. Миша вышел из джипа и попытался перебраться через завал туда, где всего три года назад он жил и работал учителем. Несколько зданий на Крохмальной каким-то чудом уцелели. И среди них то самое. Здание детского приюта. От взрывов в спальнях вылетели окна, крышу снесло, следы от шрапнели виднелись по всему фасаду, и все же оно уцелело. Мишино сердце сжалось от непривычной тишины. Во дворе приюта, где когда-то играли дети, больше не раздавалось их криков и смеха.

Откуда-то сверху послышался шум. Франек спустился с завала и встал рядом, разглядывая то, что осталось от здания.

– Говорят, доктор Корчак и его дети спаслись. Они где-то на востоке.

– Да, ходят такие слухи, – ответил Миша.

Он взглянул вверх на пустые глазницы окон. Сжалось сердце от боли, когда он вспомнил последнюю встречу с доктором и детьми, приют на Сенной улице по ту сторону стены. В тот день Миши не было в гетто, он отбывал трудовую повинность на благо рейха. Вместе с другими его отправили очищать от битого стекла казармы в Праге¹. За рабочими следил скупающий охранник, винтовка, казалось, вот-вот выпадет у него из рук.

Поздно вечером он вернулся в приют, но детей уже не было. На столах остались кружки с недопитым, остывшим молоком, надкушенные куски хлеба, на полу валялись опрокинутые стулья. В здании уже побывали мародеры. В поисках добычи они порвали подушки, раскидали нехитрое содержимое детских шкафчиков, которые стояли в ряд в небольшом зале бывшего клуба бизнесменов. В последние полтора года этот зал служил для двухсот детей и спальни, и классной комнатой, и столовой.

До войны Миша с Софией частенько гуляли по улицам Варшавы, направляясь к площади Гжибовского, и он веселил ее, рассказывая истории о детях из приюта, таких непослушных, таких мудрых и полных жизни. Слезы навернулись на глаза при мысли, что их увезли в лагерь, а его не оказалось рядом и он не смог их спасти. Холодный ветер гулял по Крохмальной меж каменных развалин, а Миша все стоял, и слезы бежали по его искаженному страданием лицу. Он плакал, как плачут деревья, когда с них сдирают кору.

¹ Прага – район Варшавы. (Здесь и далее прим. *перев.*)

Глава 2

Варшава, май 1937 года

Корчак все еще сокрушается, что больше не может выступать по радио. Каждую неделю миллионы людей по всей Польше настраивали свои приемники, чтобы послушать его передачу о том, как научиться понимать и уважать детей. А теперь еврею, видите ли, больше нельзя появляться в польском эфире. С ним расторгли контракт. Только чем он не поляк? Говорит и думает по-польски, знает как свои пять пальцев все улицы Варшавы. Видимо, яд нацистского безумия разливается по Европе все дальше и дальше.

Хорошо, что у него остались лекции, ведь это возможность повлиять на новое поколение учителей, которые однажды будут воспитывать польских детей. Сегодня доктор надел твидовый костюм, жилет с кармашком для часов, галстук-бабочку.

Корчак старается идти помедленнее, чтобы маленький мальчик рядом с ним не отставал, поднимаясь по ступенькам. Вокруг них натертые до блеска бесконечные больничные коридоры, в которых многократным эхом разносятся звуки шагов и хлопающих где-то вдалеке дверей.

– Добрый день, доктор Корчак, – приветствует его спешащая медсестра, мельком взглянув на худого сорванца, держащего доктора за руку. Ее, наверное, так и подмывает спросить, зачем это доктор пришел сегодня в больницу. Уже много лет, как он уволился отсюда, чтобы возглавить сиротский приют. Холостяк, ставший отцом для множества детей.

У двери рентген-кабинета Корчак опускается на корточки перед маленьким Шимонекком.

– Сейчас мы войдем внутрь, там будет много людей, а я попрошу тебя встать перед одним аппаратом. Ну, ты готов?

Шимонек кивает. Большие серьезные глаза смотрят на доктора.

– Ведь это поможет взрослым лучше понимать детей.

– Какой же ты храбрый, совсем малыш, а уже настоящий мужчина.

Корчак поднимается и открывает дверь. В душе у него еще кипят злость и возмущение из-за вчерашнего случая. Ему стало известно, что один из воспитателей приюта силой затащил ребенка в подвал и оставил его там в темноте.

– А что мне еще оставалось, пан доктор? – оправдывался воспитатель, надеясь на сочувствие. – Якубек меня совсем не слушался. Он довел меня до белого каления, я даже замахнулся на него, но он тут же закричал: «Только тронь, и пан доктор вышвырнет тебя». Конечно, гордиться нечем, но тут уж я совсем пришел в ярость и потащил его в подвал. Только тогда он угомонился.

– И ты оставил ребенка одного в крошечной тьме? – Корчак говорил почти шепотом, прикрыв глаза. – А тебе не пришло в голову, что он вел себя так, потому что страдал? Ты же взрослый человек. Мог бы выяснить, в чем дело, объяснить ему, что не надо бушевать, если ты расстроен. А что делаешь ты? Отправляешь его в темный подвал.

Корчак не мог дальше продолжать, слезы душили его, и он быстро ушел.

Через несколько дней они узнали, почему Якубек вел себя так плохо. В субботу он пошел навестить любимую бабушку и узнал, что она умерла.

* * *

В комнате шумно, студенты возбужденно переговариваются. Все они очень удивлены тем, что вместо лекции в педагогическом институте их попросили прийти сюда, в лаборато-

рию больницы. Когда входит доктор Корчак, они умолкают, ожидая чего-то интересного. На лекциях доктора Корчака никто не спит.

Но он занят лишь ребенком, тихо говорит ему что-то, подводит Шимонека ближе и ставит перед квадратным стеклянным экраном. Жалюзи опущены, и теперь худая грудь мальчика белеет во мраке. Его глаза следуют за доктором, а тот начинает лекцию.

– Итак, целый день вы провели с детьми. Я понимаю, как нелегко это временами. Иногда сил совсем не остается. Кажется, что вы больше не выдержите. Хочется прикрикнуть на детей, а может, даже ударить.

Доктор Корчак включает флуоресцентную лампу позади ребенка. В нежном свете на стеклянном экране становятся видны маленькие детские ребра, будто нарисованные темным карандашом. За ними – тень бьющегося сердца, оно подпрыгивает и мечется, словно испуганная птица.

– Посмотрите внимательно. Так выглядит сердце ребенка, когда вы кричите, когда поднимаете на него руку. Так ведет себя детское сердце, когда ребенок испуган. Смотрите внимательно и запомните навсегда.

Корчак выключает лампу, накрывает мальчика своим жакетом и берет на руки.

– У меня все.

Корчак с ребенком на руках уходит, и ошеломленные студенты сразу же начинают возбужденно обсуждать увиденное.

Самый высокий из них, атлетически сложенный, с небольшими залысинами над высоким лбом, которые придают ему умный вид, торопливо складывает в сумку тетради. Миша думает, как бы собраться с духом, написать сегодня вечером письмо отцу и объяснить ему, почему он не хочет работать инженером теперь, когда он уже получил диплом. Вместо этого он собирается учиться педагогике на вечернем отделении и продолжить работу помощником в детском приюте у Корчака, хотя платят там сущие гроши. Отец будет в бешенстве. Он сам учитель и знает не понаслышке, что в образовании нет ни денег, ни рабочих мест. Обвинит Корчака в этой катастрофе и, в общем-то, будет прав.

Если вы хотите изменить мир, измените образование.

Когда Миша идет через комнату к выходу, из его холщовой сумки выпадает ручка. Он пытается достать ее и встает на колени. Поднимает голову и видит сидящую на стуле девушку. Раздумывая над лекцией, она так глубоко погрузилась в свои мысли, что не замечает ничего вокруг. Светлые волосы, забранные назад, овальное лицо, светлые голубые глаза, пухлые губы, белая блузка с воротничком «Питер Пэн». Девушка как девушка.

Только Миша застыл на месте и не может оторвать от нее взгляд; кажется, будто в его душе тронули какую-то струну и она запела, а камертон безошибочно определил, что это верная нота, что она звучит именно так, как надо, и будет в гармонии со всеми другими. Какая девушка! Будто из мечты. Как бы ему хотелось говорить с ней, сидеть рядом с ней, держать ее за руку!

Но что за мысли? Скоро у него начнется дежурство в приюте. И нужно смотреть правде в глаза: он еще долго будет слишком беден, чтобы думать о любви. Надо быть сильным. И написать отцу.

Он закидывает сумку за плечо и выходит.

И все же девушка никак не выходит у него из головы. Несколько дней Миша не перестает вспоминать, как увидел ее, как не мог оторваться от бледного, открытого лица, как ему хотелось заговорить с ней.

Тогда он решает, что на следующей лекции так и сделает. Найдет повод и заговорит.

Вот только вокруг нее все время толпа друзей. Юноша в полосатом костюме, с блестящими от масла волосами называет ее «София».

Ее имя. Оно кажется Мише лучшим в мире.

Он разглядывает этого юношу с угодливым лицом. Замечает, как старательно тот смеется, когда она ему что-то говорит. Интересно, она улыбается в ответ, потому что он ей тоже нравится? Или просто из вежливости? Миша чувствует, как в душе растет неприязнь к парню.

Ладно, как-нибудь потом. Он подойдет к ней и заговорит в следующий раз. София.

Однако следующего раза не будет. Лекции Корчака отменены. Причин не объясняют, хотя все и так знают почему. Воспитание польской молодежи можно доверить только чистокровным полякам.

Теперь Мише незачем ходить в университет. Он учится на вечерних педагогических курсах. А на лекции в университет ходил только потому, что его пригласил сам Корчак.

Все к лучшему, утешает он себя. Как нелепо – влюбиться в совершенно незнакомую девушку. И, уж конечно, он и не подумает подкарауливать ее после лекций у входных ворот.

Он надеется, что со временем влюбленность пройдет, как исчезает без следа царапина на колене у ребенка. И все же девушка не выходит у него из головы, он не может не думать о ней, когда идет по прохладным вечерним аллеям Саксонского парка. Когда стоит у окна и слушает, как во дворе приюта мальчик играет на гармонике «Майн штетеле Белц»². Он вспоминает ее лицо, как вспоминают родной дом.

Миша надеется, что когда-нибудь случайно встретит ее. То, что должно произойти, обязательно произойдет. Проходят месяцы, вот уже лето кончается. В воздухе ощущается едва уловимая прохлада.

Вот-вот настанет осень, а он так и не увидел Софию.

² «Майн штетеле Белц» – песня на идиш «Мой городок Бельцы».

Глава 3

Варшава, сентябрь 1937 года

София забирает удостоверение у секретаря университета. На ее фотографии стоит прямоугольная печать.

– Что это?

Секретарь пожимает плечами:

– С этого семестра на лекциях евреи должны сидеть отдельно от всех, на специально отведенных скамейках. В холле висит объявление.

У доски объявлений толпятся студенты. Роза здесь, скривилась от отвращения и наморщила нос. Она поворачивается к Софии:

– Разумеется, они говорят, что это для нашей же безопасности, чтобы больше не было случаев, как в прошлом семестре. Когда бедняге с медицинского факультета порезали лицо.

Роза вздыхает, берет Софию под руку, и они отправляются на лекцию.

– Я не узнаю Польшу. Так трудно было поступить сюда, и теперь вот это. Иногда я думаю, может, твоя подруга Тося и в самом деле права? И лучший выход для нас – вступить в какую-нибудь молодежную организацию да потихоньку готовиться к отъезду в Палестину?

София смотрит на нее с ужасом.

– Как ты можешь так говорить? Никуда я не уеду. Мы поляки. Наша родина Польша. Чем сильнее они давят на нас, тем тверже мы должны держаться. Вся эта затея с сегрегацией на лекциях – полная чушь. В Польше никогда не помышляли ни о каких гетто, и, думаю, такие бредовые идеи здесь не приживутся.

Внутри у нее все кипит от гнева, и в то же время, входя в аудиторию, София дрожит, как от холода, охваченная дурными предчувствиями. Одна секция многоярусных скамеек пуста, там лежит только лист бумаги. Девушки подходят к студентам, которые стоят в глубине аудитории и возмущенно обсуждают происходящее.

Когда в аудиторию входит профессор Котарбинский, голоса умолкают. Он проходит вдоль скамеек и занимает место за кафедрой. Высокий, ростом почти шесть футов, с наводненными усами, которые по-военному лихо торчат в разные стороны, Котарбинский, будто командующий войсками, молча обводит взглядом пустые скамейки. Он берет стул и, ударив ножками о деревянный пол, решительно отодвигает его в сторону.

– Пока университет не разработает более приемлемую схему рассадки, я отказываюсь от своего права сидеть.

С грохотом со скамеек поднимаются еще несколько студентов-неевреев и присоединяются к нему. У Софии комок встает в горле. Значит, они не одни, друзья рядом.

Ее щеки все еще горят, когда в конце лекции она спускается к кафедре, чтобы поблагодарить Котарбинского. Ситуация действительно постыдная.

– Дела плохи, но ты не должна поддаваться на их выходки, София. Обещай, что доучишься и получишь диплом.

– Обещаю, профессор. Меня ничто не остановит.

* * *

Напротив главных ворот студенты в белых шляпах с зелеными лентами растянули плакат. Чернила просвечивают сквозь полотнище, и даже с обратной стороны можно прочесть: «Евреям не место в университете».

Девушки переглядываются. Им ничего не остается, как пройти мимо оскорбительной надписи. Роза поправляет крошечную тирольскую шляпку на черных волосах со свежей укладкой, и подруги снова берутся за руки.

– Ну, пошли, – произносит София.

– Честно говоря, папа хоть сейчас мог бы выкупить этот участок, – бормочет Роза, когда они проходят мимо плаката.

Они ждут трамвая. София чувствует себя раздавленной. Девочкой-изгоем, которую не любят в классе и сторонятся. Маленькой и обиженной до глубины души.

– Забудем об этом, – говорит Роза, когда они садятся в красный трамвай. – Приходи ко мне вечером. Устроим маленький праздник. Послушаем пластинки. Потанцуем. И улыбнись же наконец. Такой красоте, как ты, София, не стоит вешать нос.

Трамвай доводит их до площади Гжибовского, где они расстаются, обнявшись на прощание. София прожила в этом районе всю жизнь, и теперь, пробираясь сквозь знакомую суету пятничного рынка, она наконец успокаивается. На улице Тварда она сворачивает во двор своего дома. Женщины снимают белье с деревянных сушилок, сплетничают. Уличный музыкант играет на аккордеоне «Майн штетеле Белц», поглядывая на окна в надежде, что кто-нибудь бросит ему монетку.

Дети играют в классики – так было и так будет всегда.

Она открывает дверь квартиры и вдыхает уютный запах папиных книг, маминых цветов на балконе. Но дома что-то затевается. Мама уже надела фартук и стоит на кухне у плиты перед большой кастрюлей. Деревянная доска, закрывающая эмалированную ванну в углу, заставлена посудой и мисками с овощами. Кристина лущит горох, вид у нее при этом загадочный.

– В честь чего это? Что происходит?

– Она хочет знать, что происходит, – отвечает мама. – Почему что-то обязательно должно происходить?

– Это в честь Сабины, – выпаливает Кристина. В свои четырнадцать лет она еще не умеет хранить секреты.

– Правда? Лютек сделал ей предложение?

– Сабина сама нам все расскажет, – говорит мама. – В любом случае оба они придут на ужин, и скоро вы сами все узнаете. Времени совсем мало. Оглянуться не успеешь, как стемнеет. Кристина, накрой-ка стол, постели лучшую скатерть, а ты, София, сходи к Джудель, купи бутылочку вина и еще кой-чего. Я написала, что надо.

София берет список и идет на рынок купить шесть персиков и пучок петрушки. Женщины в платках и длинных юбках стоят перед корзинами бубликов или бочками с селедкой. Женщина в элегантном платье из вискозы сидит за прилавком, заваленным рулонами тканей. Даже с закрытыми глазами, только по запаху жареного лука, лимонов, свежего хлеба и капусты, смолистому аромату нагретых на солнце сосновых прилавков, София могла определить, в каком месте рынка она находится.

Она проходит мимо ворот религиозной школы – ешивы, откуда гурьбой выходят мальчишки-подростки в коротких габардиновых куртках, с висящими, как косички у девочек, пейсами. Дальше София идет мимо церкви с двумя квадратными башнями, по ступенькам торопливо поднимаются люди, спешащие к вечернему богослужению. Она заходит в домовую кухню, которой управляет госпожа Соснович, мать ее школьной подруги. Посетители приходят сюда, чтобы посидеть в закуской и отведать знаменитой колбасы с капустой. Увидев Софию, госпожа Соснович подзывает ее и отпускает продукты без очереди да еще сует ей в корзину пакет красной колбасы в подарок.

– Знаю, знаю о вашей Сабине. Какие хорошие новости, – быстро шепчет она и снова поворачивается к покупателям.

В винном магазине Горовица Джудель встречает ее у порога и пожимает руки.

– Свадьба в семье – воздадим же за это хвалу тому, чье имя не упоминается всуе. Ну а люди в такой особенный день всегда хотят что-нибудь особенное и, конечно же, по особой цене.

Она передает Софии бутылку, которую приготовила заранее, и принимает плату.

– Может, и я доживу когда-нибудь до такого дня и увижу своих дочерей счастливыми, – вздыхает она.

В пекарне София покупает плетенку халы, сладкого хлеба. Глядя на переполненный магазин, на женщин в платках, которые принесли в пекарню горшки с чолнтом³, чтобы оставить его на всю ночь тушиться в остывающей печи, она подумала, как бы посмотрели на все это ее однокурсники. С детства она говорила по-польски и ходила в польскую школу, а еврейские обычаи всегда считала чем-то вроде семейного колорита, забавного, как рыжеволосый родственник или тетушка с причудами. Но сейчас, когда так трудно найти работу, когда ультраправые набирают силу, ее очень часто обижают и злят газетные статьи по еврейскому вопросу, бесцеремонные высказывания людей, которых она считала друзьями. Неужели они и в самом деле считают, что половина Варшавы должна собрать чемоданы и уехать на Мадагаскар или еще куда-нибудь? Варшава была и всегда будет ее родным домом.

Когда София возвращается, на столе уже стоит лучший обеденный сервиз, приготовлены свечи для субботней трапезы. Кристина переоделась в лучшее платье.

– Пани Соснович сказала, Сабина обручена, – сообщает София, осторожно выкладывая фрукты на блюдо. – Как же так, мама, почему я узнаю об этом от нее, а не наоборот?

– И что с того? Людям нравится быть в курсе чужих дел. А Джудель сделала скидку на вино? А, вижу. Она выбрала для Сабины какое-то вкусное.

– Даже не верится. Наша Сабина выходит замуж.

– Ну, двадцать три года не так уж и мало. Самое время подумать о женихах. Даже в двадцать уже можно. – Мама замолкает, вопросительно глядя на Софию.

– Нет, мама, у меня никого нет, я ничего не скрываю. К тому же, как водится, о моем женихе раньше меня узнают Джудель и все остальные. Я не собираюсь замуж. У меня на это нет времени.

Мама понимающе кивает.

Дверь открывается, входят Сабина и Лютек, а за ними отец в длинном пальто с каракулевым воротником.

– Мама, смотри, кого я встретил на улице, – кричит он. – Похоже, они не прочь хорошенько подкрепиться, вот я и привел их с собой. А ты, кажется, ничего не приготовила?

Мама смеется в ответ, показывая на буфет, заставленный блюдами с мясным ассорти, кусочками трески, соленьями. Сабина целует всех. На ней костюм по фигуре, напоминающей песочные часы, через плечо перекинута горжетка из блестящего лисьего меха. Сабина вынимает шпильку из безупречной, сияющей лаком прически и снимает крошечный берет.

Кристина берет горжетку, проводит рукой по меху, грустно вздохнув.

– Какая же ты счастливая, Сабина, можешь достать такие чудные вещи, да еще купить со скидкой.

– Когда работаешь манекенщицей в шикарном ателье у модного кутюрье, ты должна выглядеть так, будто только что прикатила из Парижа, – с гордостью произносит мама. Сабина с ее бледным утонченным лицом, бездонными темными глазами, блестящими черными волосами считается самой красивой в семье. Кристина и София блондинки, они пошли в маму. Они росли как два крепких здоровых щенка, которые то и дело шумно играют и кувыркаются друг с другом. А Сабина только смотрела на них, широко распахнув глаза, – аккуратная ленточка в волосах, прическа всегда в идеальном порядке.

³ Чолнт – традиционное еврейское субботнее блюдо из мяса, овощей, крупы и фасоли. Чолнт часто не готовили дома, а относили в местную пекарню и ставили в остывающую печь.

Мама забирает горжетку у Кристины, бережно складывает и уносит в прихожую.

Заметив, как погрузилась Кристина, Сабина говорит:

– Я дам тебе поносить ее, когда захочешь.

– Правда? Ты просто душечка. Но она же такая дорогая.

Сабина пожимает плечами:

– Ну и что?

– Ну вот, все мои девочки здесь, теперь можно зажигать свечи, – говорит мама, и в голосе ее слышится столько нежности и счастья.

Дочери усаживаются вокруг нее, а она зажигает спичку и осторожно подносит к каждому фитильку. Ее руки плавно кружат над свечами, от которых пахнет расплавленным воском. Наконец она прикладывает ладони к лицу и начинает молиться. Когда она отрывает руки, на лице видны слезы.

– Девочки мои. Вы уже совсем взрослые.

Спускаются сумерки, и во всех окнах во дворе светятся огни пятничного ужина. Откуда-то издали доносится песня, низкому мужскому голосу вторят детские голоса, *Шалом алей-хем*, мир вам. София начинает подпевать, и вот уже вся семья за столом затягивает слова древней песни.

Их семью нельзя назвать религиозной, но для мамы пятничная трапеза священна, ее лицо сияет от радости. И еще от гордости за своих девочек, которые сейчас рядом с ней. Острый дух от бесчисленных отцовских книг, лимонный мускус от маминых цветов с балкона смешиваются с дрожжевым запахом халы и ароматом темного вина.

Интересно, меняешься ли ты, если тебя любят, если любишь ты, думает София. В мерцании свечей она вглядывается в лицо старшей сестры, пытается найти ответ, и видит, что глаза ее грустны. Да, Сабина часто бывает робкой, переживает по пустякам, но тут что-то другое.

Она хочет наклониться к Сабине и тихонько спросить, в чем дело, но тут встречается Кристина:

– Интересно, какое у тебя, Сабина, будет платье. Наверное, прекрасное как сон, ведь мадам Фурнье из салона обязательно поможет тебе. Представляю, как будет красиво.

– О, знаешь... – Сабина замолкает. На щеках у нее пылают два красных пятна.

Лютек берет ее за руку.

– Мы не хотели говорить об этом сегодня, но... – произносит он тихо.

Сабина поднимает глаза, смотрит на всех робко и виновато.

– Мадам Фурнье меня уволила.

– Она тебя уволила? Как же так, Сабина, с чего бы ей тебя увольнять? Она всегда пела тебе дифирамбы. Ты ее лучшая манекенщица.

– Оказывается, я не имею права работать во французском модном салоне. Они все время говорили, что я вылитая француженка, а теперь выясняется, что внешность у меня слишком еврейская.

– Чушь какая-то, – недоумевает мама. – О чем это они, не понимаю.

– Сабина все равно собиралась в скором времени уволиться, – говорит Лютек. – Папа будет в восторге, если она будет работать у нас, в офисе нашей типографии.

Сабина благодарно ему улыбается. И все же весь оставшийся вечер тихая печаль не сходит с ее лица.

* * *

После ужина, когда вся семья усаживается за бесконечную игру в безик, София ускользает и бежит к Розе, в дом через дорогу.

– Наконец-то! – говорит Роза, спасая Софию от своей любопытной матери, которая выходит в коридор к каждому гостю, чтобы поприветствовать его и разузнать семейные новости. Бесчисленные кольца с бриллиантами ярко сверкают у нее на пальцах, она не снимает их, даже когда взвешивает мясо в своей мясной лавке.

– Входи. Там есть один человек, который тебя заинтересует. Представь, он работает с твоим любимым преподавателем, доктором Корчаком.

София тяжело вздыхает. С тех пор как Роза обручилась, она считает своим долгом подыскать подходящего жениха и для Софии.

– Прекрати это, Роза. Тот последний парень был невыносим, чуть не утомил меня бесконечными разговорами.

Большая переполненная людьми гостиная заставлена дорогой мебелью и убрана в стиле польского охотничьего домика. Через открытую балконную дверь струится мягкий вечерний воздух. Играет граммофон, звучит самое модное танго нынешнего лета, «Через год».

– Вот и он, – говорит Роза.

У окна возвышается – он действительно выше всех в зале – молодой человек с чудесной улыбкой. Небольшая, по-кошачьи аккуратная голова, чуть раскосые восточные глаза. И такой высокий. Вот уж точно – господин Жираф, думает София. И, к своему удивлению, понимает, что случилось то, что должно было случиться.

* * *

Миша уже собирался уходить, когда увидел спешащую к нему Розу и рядом с ней девушку в летнем платье.

Он резко выпрямляется и подается вперед. Светлые волосы убраны назад, брови вразлет, белое платье оттеняет загорелую кожу. Та самая девушка!

И, конечно же, протягивая ему руку, она недоумевает, почему он улыбается так по-идиотски.

– Роза говорит, вы работаете с Корчаком, – произносит девушка.

– Так и есть. Да. Работаю помощником воспитателя в приюте. Правда.

Мысли у него путаются, самое главное для него сейчас – то, что мягкая рука девушки в его руке. Но София внимательно и вопрошающе смотрит ему прямо в глаза. Такая девушка заслуживает, чтобы с ней разговаривали серьезно, а не мямлили что-то по-дурацки.

– А вы тоже изучаете педагогику? – Он пытается быть серьезным.

– Как вы догадались? Роза сказала или вы поняли по моему виду?

– Нет-нет. Просто видел вас на лекции Корчака в рентген-кабинете.

– А, маленький мальчик, бьющееся сердце! Разве можно это забыть? Это даже не лекция, это совершенно иная точка зрения, новый взгляд. Но если б я вас там видела, наверняка бы запомнила.

Он обрадовался, услышав это.

– Почему вы должны меня помнить? Мы ведь даже не говорили. А потом и лекции отменили так неожиданно.

София хмурится.

– Разве это не ужасно? Наверное, для доктора это стало ударом.

– Да, но настоящим ударом стало то, что ему запретили работать в приюте для польских детей, который он создал. Совет управляющих уволил его. Ему запрещено видеться с детьми, которых он воспитывал не один год, которые были его семьей.

– Просто ужасно.

Ее глаза блестят от волнения. Она едва достает Мише до плеча, но совсем не кажется беспомощной, в ней чувствуется жизненная сила, которая, если надо, проявит себя. А еще в

осанке, легких грациозных движениях чувствуется что-то балетное. И эти глаза. Как найти название для необычного оттенка ее голубых, ослепительно ярких, прозрачных глаз? Они внимательно изучают его.

– Я так завидую вам, вы работаете бок о бок с Корчаком, видите на практике все его методы. Наверное, работать рядом с ним – настоящее счастье.

– Честно говоря, поначалу его методы сбивают с толку.

– Что значит «сбивают с толку»?

– Знаете, он не учит какой-то методике. Он считает, вы сами должны изучить особенности каждого ребенка. И потом определить, как с ним следует обращаться.

– Но разве детям не нужны четкие и понятные правила? И как же тогда учитель может определить, что правильно? Почему вы улыбаетесь?

– Просто мне нравится ваш энтузиазм. Нет, правда.

Она немного недовольна.

– Вы рассказывали о Корчаке. То есть никаких инструкций он не дает?

– Он делает это по-своему. Каждый вечер мы встречаемся с ним или Стефой, сестрой-хозяйкой, и говорим о детях. И еще раз в неделю он беседует с каждым учителем. Правда, к его манере общения нужно привыкнуть, иначе может показаться, что он болтает о пустяках, отпускает шуточки.

– Шуточки?

– Когда Корчак валяет дурака, он частенько и говорит самые важные вещи. Ему хочется заставить тебя думать. Его философия в том, что невозможно изучать ребенка по учебникам или лекциям какого-нибудь профессора. Нужно искать свой способ, как вести себя с детьми, а найти его можно, только если поймешь душу каждого ребенка. Конечно, временами в приюте Корчака бывает тяжело, но дети там счастливы, даже самые отпетые беспризорники, которых привели прямо с улицы.

– Так, значит, Корчак, сам замечательный писатель, отговаривает своих учеников читать книги? Ну а что вы скажете о новой книге Пиаже?

– Еще не читал.

– Тогда вам обязательно нужно ее прочитать. Могу дать вам свою. Я живу тут недалеко. Попозже забегу и вынесу ее вам.

– Было бы здорово.

В какой-то момент музыка стихает. И они замечают, что вокруг никого нет, а они все еще стоят совсем близко друг к другу.

– Могу я забрать книгу?

В свете ночных фонарей они идут рядом и молчат, как два человека, которые понимают друг друга без слов. Пока она взбегает по лестнице домой, он остается в арке, ведущей к ней во двор, и прислушивается к ночным звукам, которыми наполнен воздух. Наконец на темной лестнице мелькает белое платье, и София выходит, слегка запыхавшись. Отдает ему книгу, совсем новую, пахнущую чернилами. Он прижимает тяжелую книгу к груди. Но София вновь забирает ее, чтобы показать ему те места, которые он обязательно должен прочитать.

Кажется, она не спешит уходить. Он смотрит вниз на тонкую бледную полоску пробора, такую открытую и нежную, и ему хочется защитить девушку от ночного холода и от всех невзгод в этом мире. Свет фонаря падает на ее щеку. Ощутит ли он нежный, как у персика, пушок на ее коже, если прижмется губами к этой щеке, будет ли она прохладной?

Но она, конечно, оскорбилась бы, ведь они едва знакомы.

– Я тут подумал. Вы не против встретиться со мной еще раз? – затаив дыхание, предлагает он.

– С удовольствием.

Он чувствует, как на лице у него появляется улыбка, широкая и счастливая, как никогда раньше.

– Может, во вторник? В девять тридцать, к примеру?

– Хорошо. Во вторник я смогу, – улыбается она в ответ.

Они встретятся на Замковой площади, у памятника королю Сигизмунду во вторник в девять тридцать. Там, где назначают свидания влюбленные.

Глава 4

Варшава, сентябрь 1937 года

Миша сидит за столом в маленьком кабинете между спальнями мальчиков и девочек. Окно и дверь в каждую открыты, чтобы он мог наблюдать за детьми. Мише нравится сидеть под светом лампы в этом закутке, похожем на кабину самолета. Здесь он представляет себя пилотом, который в одиночку ведет самолет сквозь ночную мглу и отвечает за безмятежный сон детей. Обычно первые часы после полуночи он посвящает учебе, но сейчас не может прочитать ни слова.

Завтра утром, на Замковой площади.

Входит Корчак, еще не успев снять пальто и шляпу с широкими полями. От него пахнет холодным воздухом, дымом поезда и его любимыми сигаретами.

– Дай, думаю, зайду посмотреть, все ли в порядке.

Он шуршит бумагой, разворачивая сверток. По пути доктор завернул в турецкую пекарню и купил свои любимые кексы с изюмом. Один протягивает Мише. Два мальчика еще не уснули и с интересом смотрят на них в приоткрытую дверь. Доктор манит их рукой, приглашая разделить с ним угощение, а потом отправляет спать, и они важно уходят, унося дары.

– Вы встречались с молодежью? – спрашивает Миша.

– В еврейском общественном центре, в маленьком городке под названием Освенцим. Так много молодых людей хотят поскорее отправиться в Палестину, но это вопрос непростой.

Доктор садится, снимает широкополую шляпу, галстук-бабочку, расстегивает воротник.

Бросает на Мишу внимательный и насмешливый взгляд.

– А как у вас дела, мой друг? Она, наверное, очень красивая.

– Откуда вы знаете о Софии?

Корчак насмешливо фыркает.

– На твоём лице, Миша, написано крупными буквами, как в газете: «Несчастный случай. Жертва сгорела в пожаре любви».

– Она ваша почитательница, пан доктор. Хочет стать учительницей.

– И очень хороша собой.

Миша заливается краской.

– Понятно, так и есть. Мой диагноз: случай безнадежный.

– Не угадали. Наоборот, с каждым днем больному все лучше. Что посоветуете?

– Я? Старый холостяк? Никогда не даю советов. Могу только сказать тебе, что прекрасная жизнь – всегда жизнь трудная. Каждый должен искать свой путь. Не советую тебе идти моим. Он подходит лишь для меня.

Корчак поднимается и похлопывает Мишу по плечу, как будто выражая сочувствие.

* * *

Миша смотрит, как за доктором закрывается дверь. Сейчас тот поднимется к себе, в маленькую комнату на чердаке рядом с кладовкой, где хранятся ароматные яблоки. Узкая кровать застелена армейским одеялом, старый стол, доставшийся ему от отца, завален черновиками его новой книги. Эркерное окно выходит во двор, где утром зачирикают воробьи, приветствуя доктора, а он будет бросать им крошки. Миша подумал, что все-таки выберет путь Корчака и посвятит жизнь детям.

Уже светает. Скоро, совсем скоро погаснут уличные фонари.

* * *

Миша приходит гораздо раньше, чем они условились. Садится на ступеньки перед памятником королю Сигизмунду, подперев рукой подбородок. Никогда Варшава не казалась ему такой прекрасной. Королевский замок из красного кирпича, с зеленым от патины шпилем, чистое голубое небо, громада костела Святой Анны, будто охраняющая въезд на мост. Он сидит лицом к широкому Краковскому предместью. Ему почему-то кажется, что София появится именно оттуда. По площади проносятся трамваи и элегантные «Остины», а экипажи и дрожки петляют, пытаясь проехать между ними, и в конце концов выстраиваются друг за другом, как на параде.

Он вынимает из кармана часы. София запаздывает, но ничего. Эти часы отец вручил ему, когда Миша, страстно мечтавший учиться в Варшаве, уезжал из Пинска. Ради этой мечты он был готов уехать за три сотни миль от Польской Беларуси. Он пропускает сквозь пальцы цепочку от часов, и на него будто веет запахом пинских болот. Однажды он отвезет Софию туда, и они поплывут на лодке по бескрайним озерам, в которых, как в зеркале, отражается небо, увидят черно-белых аистов, взлетающих из своих гнезд, свитых среди заросших тростником берегов, шпили соборов Пинска, поднимающиеся, как мачты корабля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.